

ВЫХОДИТЬ
еженедельно
по Субботамъ.

№ 18.

Годовая цѣна:
въ Тифлисѣ — 7 руб. Сер.
съ пересылкою и доставкой 7-50. Сер.

1846

4 МАЯ.

ВЫСОЧАЙШЕЕ ПОВЕЛѢНІЕ.

Именнымъ ВЫСОЧАЙШИМЪ Указомъ, даннымъ Правительствующему Сенату въ 27-й день Марта, Надворный Совѣтникъ *Кикиани*, назначенный Г. Намѣстникомъ Кавказскимъ Правителемъ дѣлъ Совѣта Главнаго Управленія Закавказскаго края, Всемилостивѣйше утвержденъ въ этой должности, съ пожалованіемъ за отлично-усердную его службу, въ Коллежскіе Совѣтники.

ВЫСОЧАЙШІЙ ПРИКАЗЪ.

По военному вѣдомству.

Его Императорское Величество, въ присутствіи Своемъ въ С.-Петербургѣ, соизволило отдать слѣдующій приказъ:

Апрѣля 2-го дня 1846 года.

Производится за отличіе по службѣ. По Кавалеріи. Состоящій по Кавалеріи и при Отдѣльномъ Кавказскомъ Корпусѣ Подполковникъ *Шамиръ-Ханъ-Беллоровъ*, въ Полковники, съ оставленіемъ по Кавалеріи и при томъ же Корпусѣ.

ВЫСОЧАЙШЕ УКАЗЫ.

Высочайшими Именными Указами, данными Капитулу Россійскихъ Императорскихъ и Царскихъ Орденовъ Всемилостивѣйше пожалованы кавалерами ордена *Св. Анны*, — во 2-й день Декабря прошлаго 1845 года, въ воздаяніе отлично-усердной и ревностной службы, *третьей степени*: Лекаръ Кавказскаго Личнаго Перова; — *второй степени*: Дивизионный Докторъ 20-й Пѣхотной дивизіи, Коллежскій Со-

вѣтникъ *Гольмблантъ*; — *третьей степени*: Батальонный Лекаръ Грузинскаго Гренадерскаго полка *Глаголовъ*; — въ 8-й день Декабря прошлаго 1845 года, въ воздаяніе отличнаго мужества и храбрости, оказанныхъ въ дѣлахъ противу Горцевъ, въ Юль мѣсяцѣ 1845 года въ Ичкеринскомъ Лѣсу, и согласно опредѣленію Главнокомандующаго Отдѣльнымъ Кавказскимъ Корпусомъ, Генералъ-Адъютанта Князя Воронцова, по предоставленной ему отъ Государя Императора власти, *третьей степени съ бантомъ*: Замосецкаго Егерскаго полка Поручикъ *Андреевъ*; — *четвертой степени съ нагрудникомъ за храбрость*: Люблинскаго Егерскаго полка Подпоручикъ *Горицынъ* и Пранорщикъ: Замосецкаго Егерскаго полка *Драчировъ* и Навагинскаго пѣхотнаго полка: *Севериковъ* и *Майновъ*. Въ 8-й же день Декабря, въ воздаяніе отличнаго мужества и храбрости, оказанныхъ въ дѣлахъ противу Горцевъ, въ Юль мѣсяцѣ 1845 года, во время слѣдованія главнаго дѣйствующаго отряда отъ сел. Дарго къ укрѣпленію Герзель Аулу, и согласно опредѣленію Главнокомандующаго Отдѣльнымъ Кавказскимъ Корпусомъ, Генералъ-Адъютанта Князя Воронцова, по предоставленной ему отъ Государя Императора власти, — *третьей степени съ бантомъ*: Навагинскаго пѣхотнаго полка Поручикъ *Тарасевичъ* и Подпоручикъ *Черепановъ*.

ВНУТРЕННІЕ ИЗВѢСТІЯ КАВКАЗА.

Повелѣніемъ Его Величества Короля Нидерландскаго, отъ 18 Декабря 845 года, сравненъ въ Голандскихъ портахъ Россійскій купеческій флагъ съ туземнымъ, по платежу всякихъ вообще корабельныхъ сборовъ, какъ при прямой перевозкѣ товаровъ изъ одного Государства въ другое, такъ и при непрямой, т. е. когда Россійскій корабль приходитъ въ Голандскій портъ не изъ Россіи-

скаго, но изъ другаго иностраннаго порта, или отходить изъ Голандскаго порта не въ Россійскій, но въ другой иностранный портъ; относительно же платежа таможенныхъ пошлинъ съ товаровъ, Россійскій флагъ, Королевскимъ повелѣніемъ отъ 7-го Января 1846 года, сравненъ въ Голандскихъ портахъ съ туземнымъ, только въ случаяхъ прямой перевозки товаровъ изъ одного Государства въ другое.

Г. Намѣстникъ Кавказскій, получивъ отношеніе Г. Министра Финансовъ о томъ, что Г. Государственный Канцлеръ находитъ возможнымъ, хотя бы предварительно сравнить въ нашихъ портахъ Голандскій купеческій флагъ съ Россійскимъ въ тѣхъ случаяхъ, въ коихъ Россійскій флагъ сравненъ въ Голандіи съ туземнымъ, — предписалъ по таможенному вѣдомству, Нидерландскія суда были немедленно сравнены съ Россійскими судами въ нашихъ портахъ на Восточномъ берегу Чернаго моря состоящихъ:

- 1). По платежу корабельныхъ сборовъ, въ случаяхъ прямой перевозки товаровъ изъ одного Государства въ другое, а также и непрямой перевозки; и
- 2). По платежу таможенныхъ пошлинъ съ товаровъ, токмо въ случаяхъ прямой перевозки изъ одного Государства въ другое.

Тифлисѣ, 2 Мая. Католикосъ всего Армянскаго народа Нерсѣсъ въѣхалъ изъ Тифлиса въ первопрестольный Эчмиадзинскій Монастырь, провожаемый всѣмъ Армянскимъ духовенствомъ здѣсь находящимся, при многочисленномъ стеченіи народа, напутствованнаго благочестиваго Архипастыря благословеніями и усердными желаніями скорѣйшаго посвященія его въ высокій санъ Патриарха Гайканской церкви.

Александрополь, 27 Апрѣля. Прошлая зима въ Александрополѣ была въ сравненіи съ прежними,

Письмо къ Редактору.

Всякою повостію пріятно дѣлится. Прошу васъ помѣстить въ вашей газетѣ это посланіе, какъ извѣстіе о рѣдкомъ случаѣ въ южномъ Дагестанѣ, въ землѣ, передающей эху своихъ горъ одни лишь перекаты побѣдоноснаго оружія нашего, гремѣщаго въ близкой къ ней операціонной линіи.

Во вѣкъ начальства, я отправился передъ праздникомъ Свѣтлаго Христова Воскресенія изъ Дербента, въ сел. Икра, Кюринскаго Ханства, гдѣ мнѣ предписано было дожидаться Маюра Б. и ѣхать съ нимъ по дѣламъ службы въ Кумухъ. Но сел. Курахъ недалеко; тамъ болѣе въ госпиталѣ, рота полка Фельдмаршала и я рѣшился лучше отправиться туда, гдѣ большее число людей могъ образовать своимъ присутствіемъ и церковною службою. Вечеромъ 6-го Апрѣля я туда прибылъ. Меня приняла очень радушно, не зная гдѣ помѣстити. Народъ зашевелился и госпитальная палатка мигомъ очутилась на площади. Условились встрѣтить праздникъ по христіански въ 12-ть часовъ ночи. Никто не спалъ. Но барабанному бою сошлись, кто только могъ, всѣ по братски возгласили при залпѣ ружей Воскресеніе Христа. Вѣтеръ, Курагскій вѣтеръ далеко разносилъ возгласы празднующихъ христіанъ. Съ восходомъ солнца отслужили часы, молебень, и всѣ вмѣстѣ разговѣлись чѣмъ Богъ послалъ, но зато съ какимъ чувствомъ одушевленія. Нужно замѣтить, что Курагцы въ первый разъ во всю свою службу здѣсь, на этомъ далекомъ посту отъ расположенія полковъ, встрѣтили такъ праздникъ Пасхи. Смотритель госпиталя, сказалъ мнѣ: «спасибо Вамъ, батюшка, теперь я не плачу.» — Почему же такъ? «а потому, что я въ прошлый годъ, право, плакалъ въ это утро, вспоминая нашъ праздникъ.» — Числовники госпиталя, издавна, въ досужее время, приготовили фейерверкъ. Вотъ это — то и новостъ, которою я хочу подѣлиться съ вами. Русскій умъ, теперешнее воспитаніе, какое получаютъ, слава Богу, въ Россіи вездѣ пригодны; не думайте, что фейерверкъ составленъ Артиллеристомъ или другимъ кѣмъ, знающимъ это дѣло, нѣтъ, просто — Антекаремъ и Комисаромъ госпиталя. Молодые люди не поскупились на труды, покопались въ книгахъ, выписали нужныя вещи изъ Шемахи и фейерверкъ для радостнаго дня готовъ. Нельзя не одобрить ихъ похвальный трудъ, приведшаго дикихъ туземцевъ въ изумленіе и поселившаго между ними высокое мнѣніе о просвѣщеніи Русскихъ и о умномъ, беззавѣдномъ, но стоящемъ вниманіи, препровожденіи времени во дни Байрама. Право, и это имѣетъ свою цѣну и въліяніе на ихъ нравы.

Погода иѣшала снѣгъ фейерверкъ въ первый и второй день. Къ удовольствію нашему прибылъ Маюръ Б.; — наконецъ вѣтеръ притихъ, и на 3-й день праздника, въ лучшемъ мѣстѣ, около аула — мы выжили нашъ фейерверкъ. Всѣ жители собрались смотрѣть и онъ удался какъ нельзя лучше. Нужно было видѣть удовольствіе Горцевъ. Красная ракета со звѣздочкой подымалась въ тѣнивыя вышніе горы; Римскія свѣчи разлетались во мракѣ ночи свѣтлыми звѣздами, бурнотрещали, колеса и другія фигуры были фонтаномъ прекраснѣйшаго огня; но чѣмъ кончился нашъ спектакль? такъ это, какъ вездѣ у Русскихъ — цитомъ съ вензелемъ отца-Юнарха. Вай, вай! и другія восклицанія радости и удивленія, непрерывно слышались отъ Горцевъ не тише треска самаго фейерверка.

Вотъ наши забавы въ далекомъ углу Закавказья. Не знаю, какъ вамъ, господамъ горожанамъ, которымъ наскучили подобныя увеселенія, окажется это занимательнымъ? но мы такъ рады и благодарны труду Г. молодыхъ людей, что, право, рѣшились, о храбрости Егерской, писнуть вамъ объ этомъ. Примите не выштите: чѣмъ богаты — тѣмъ и рады.

Бывшій Подолецъ.

9-го Апрѣля 186 года
Сел. Курахъ, Кюринскаго ханства.

ДВА УЗДЕНА.

Повѣсть тришльническаго.

(Перевѣсъ съ Польскаго).

І.
ЦѢННИЦА.

Отъ цѣтущаго лѣсія Шары видѣлись только печальныя слѣды: недоговоренныя сѣны саклей, балки и стропила съ трескомъ падающія — минутно — тамъ и здѣсь черныя иви деревъ, еще за нѣсколько часовъ предъ тѣмъ красовавшихся весеннимъ цвѣтомъ; въ срединѣ пожара торчала каменная башенка, какъ Люба среди труновъ своихъ дѣтей.

Туча надбѣжала на помощь, но уже поздно. Огонь, исполнивъ свое дѣло, могъ уступить враждебной стихіи — свиселъ въ клубы дыма и прилегъ къ пенеліцу.

Во время пожара, никто не приходилъ на спасеніе, не было обыкновенныхъ въ этомъ случаѣ криковъ, бѣганія, тревоги: Шары сгорѣли спокойно, какъ жертва на кострѣ, еще до-того ишленная жизни; только ласточки, выкуреныя дымомъ изъ своихъ гнѣздъ, пощebetали немного надъ ними и улетѣли искать новаго пріюта. . . . А люди? людей, покрайней мѣрѣ живыхъ, въ то время тамъ уже не было.

Съ какимъ же торжествомъ виновники этого истребленія смотрѣли на свое дѣло! Раздоры между Шарцами и однимъ изъ ауловъ Карабулагскихъ, были древни какъ существованіе ихъ народовъ, отцы заповѣдывали ихъ дѣтямъ, поколѣнія поколѣніямъ. Тѣ, хотъ были малочисленны, но всегда первые къ задру и послѣдніе къ миру. Но пробила часъ возмездія, послѣдній часъ Шарцовъ: Карабулаки, въ соединеніи съ Ингушами, одной ночи прокрались черезъ лѣса, отдѣляющіе ихъ отъ Шары, съ глубочайшимъ молчаніемъ окружили аулъ и по условному знаку напали на сонныхъ. Когда окончилъ мечъ, тогда началъ огонь, вселданный его преемникъ.

На-утро, союзники, въ ожиданіи ночи, которая должна была скрыть ихъ отступленіе, расположились таборомъ на ближайшемъ возвышеніи. Все что только захватили они въ добычу: изъ домашней утвари, скота, хлѣба и другихъ предметовъ, утащили туда же съ собою. А чтобы охранить себя отъ всякихъ покушеній непріятеля, — потому что могла какая нибудь горсть его набѣгнуть меча и огня, — площадку холма окружили окопомъ.

Нужно читателю коротко ознакомиться съ этой шайкой. Были тамъ Ингуши христіане, Ингуши язычники, Ингуши послѣдователи Магомета, или вообще Ингуши, считавшіе себя принадлежащими къ одной изъ этихъ вѣръ, — и Карабулаки. Всего два народа и три вѣры. Вамъ не понятно, быть можетъ, какъ все это могло собраться подъ одно знамя? Таковъ духъ народовъ Кавказа. Врагъ врагу подаетъ руку, общими силами губятъ третьяго, чтобы послѣ того снова рѣзались между собою. По достиженіи цѣли похода, миръ уже не могъ имѣть мѣста въ таборѣ союзниковъ. На вную добычу находилось нѣсколько претендентовъ, — одинъ утверждалъ, что вещь ему принадлежитъ, потому что совершенно убилъ ея хозяина, другой кричалъ, что онъ ее вытаскалъ изъ сакли, а третій — что онъ саклю подожгъ. Другіе спорили, кто изъ нихъ въ дѣлѣ болѣе отличился — тотъ хвасталъ, а тотъ надъ нимъ надсмѣхался. Девять болтало, а десятый и не думалъ ихъ слушать. Старые, племенные и фамильные ссоры, забытыя на краткое время набѣда, также подняли свои сто головъ и сто языковъ.

Независимо отъ этой суматохи, происходила ярмарка.

очень тепла; Январь можно было почесть болѣе за лѣтній мѣсяць, нежели за зимній; въ Февралѣ и Мартѣ переналагъ снѣгъ и были небольшія мятели; съ начала Апрѣля начали падать небольшіе дожди съ градомъ, показалась зелень и жители стали сѣять хлѣбъ; но 21-го Апрѣля, поднялся такой вѣтеръ: сначала съ дождемъ, а потомъ съ градомъ и наконецъ съ снѣгомъ, что два дни выйти изъ дома совершенно не было никакой возможности; и изъ чудной теплой погоды, вдругъ 23-го утромъ сбѣлалось 5°(*) холода, который очень много похрипелъ огороднымъ всходамъ и, должно полагать, фруктовымъ деревьямъ. Въ соседнихъ намъ Эривани и Ахалцихѣ, снѣгъ покрывъ землю довольно толсто и лежалъ на равнинѣ два дни, а по горамъ лежитъ и до сего времени.

Тоже явленіе повторилось и во всемъ Закавказьи, съ болѣе или меньшею силою; въ Тифлисѣ до сего времени дожди, холодный вѣтеръ и вновь-пріѣзжіе спрашиваютъ, гдѣ же эти несносныя жары, которыми насъ такъ пугали и о которыхъ предсказывали въ началѣ Мая.

— Въ Александрополѣ опять появился куриный морь, свирѣпствующій здѣсь уже третій годъ. Въ день издыхаетъ на 100 курей покрайней мѣрѣ до 30 и, что всего хуже, этотъ морь появляется всегда въ такое время, когда куры начинаютъ хорошо нестись. Съ 3 коп. сер., цѣны, бывшей въ 1842 году, нынѣ за курицу платятъ до 13 коп., а за яйца до 50 коп. за сотню. Объ этомъ должны сожалѣть и Тифлисе, получающій яйца и куръ по большей части отсюда. Признаки болѣзни-зеленой, жидкой пометъ.

— Подъ 22 Марта на Шестановскомъ посту (Александропольскаго уѣзда) въ 8 часу по полудни было чувствено довольно сильное землетрясеніе, продолжавшееся около десяти минутъ.

— Жена Унтеръ-Офицера Грузинскаго Лейбъ-Гвардіи № 3 баталіона Юсифа Ларионова (въ уроч. Гергерахъ) Степанида Филипова, 39 лѣтъ отъ роду, имѣющая болѣзненные припадки, извѣстные въ простонародіи подъ именемъ порчи, 21 прошлаго Января разрѣшилась отъ бремени тремя мальчиками, по увѣренію бабки на 7 мѣсяцѣ беременности; двое изъ нихъ около получаса были живы, а третій родился мертвымъ; сложеніе имѣли все правильное и хорошее; знаковъ на телѣ ни какихъ не было.

(*) Вечеромъ въ тотъ же день уже было 6 гр. тепла по Т. Р.

Рѣдкій былъ такъ счастливъ, чтобы въ грабежѣ могъ захватить себѣ нужное: холоду досталось нѣсколько паръ женскихъ тумановъ; христіанскому священнику попался въ руки коранъ въ богатой оправѣ; кто рассчитывалъ на осла, досталъ себѣ корову или нѣсколько барановъ; одинъ видѣлъ себя обладателемъ воза безъ упряжной скотины, другой на оборотъ—скотины безъ воза. . . однимъ словомъ, мѣшная торговля сбѣлалась неминуемою потребностію.

Въ одной сторонѣ табора сидѣли женщины, захваченныя въ неволю. Несчастныя толпились въ кучу, какъ овечки при видѣ хищнаго звѣря.

Передъ ними, въ глубинѣ долины, дымилась остатки ихъ жилища, а съ другой стороны, отвратительной наружности разбойники грызли за добычу. Одна изъ плѣнницъ прикинула между домашнею рухлядою раскрашенную колыбельку своего дитяти и подыала вопль. Это послужило сигналомъ для прочихъ: горесть, до сихъ поръ таившаяся въ ихъ сердцахъ, излилась хоромъ въ жалобныхъ вѣсняхъ, или мѣрномъ плачѣ, который болѣе похожъ былъ на Садическій стѣхъ, потому что здѣшнія горлянки плачутъ и издаютъ жалобы не иначе, какъ будто по затверженнымъ нотамъ.

Когда эти вопли утихли, одна изъ нихъ тихонько сказала другой, отирая слезы съ очей, чтобы лучше видѣть.

— Посмотри Лейла на эту гору; или мнѣ такъ кажется, или, въ самомъ дѣлѣ, тамъ стоятъ два человека.

Лейла, взглянувъ по указанному направленію, снова предала слезу, а подруги ея, не замедлили подхватить ту же ноту.

Домашнія животныя, уведеныя изъ Шары, также выражали по-своему тягостъ неволи. Достоинъ вниманія, что даже и флегматикъ эшакъ (оселъ), этотъ непоколебимый стоикъ, довольно выразительно распѣвалъ свои жалобныя пѣсни.

По срединѣ табора стояли три или четыре намета предводителей. При каждомъ наметѣ развѣвалось по значку, т. е. по куску синей или красной матеріи, и каждый значекъ имѣлъ своего особеннаго часоваго, человека, отъ бдительности котораго зависѣла честь народа и войска. Но, отъ что случилось. Одинъ изъ этихъ часовыхъ, усатый Ингушъ въ огромной бараньей шапкѣ, съ накинута на плеча нагольничымъ тулупомъ, опершись о винтовку, съ ложкою въ рукѣ, стоялъ между кадушкой слявокъ и кадушкой меду и былъ въ нѣрвности съ которой начать. Прочіе, собравшись вокругъ огня, насаживали на роженъ кусочки баранины для шашлыка. Въ это время случилось обстоятельство, которое погубило кадушки и шашлыкъ. У котораго-то изъ наметовъ стоялъ огромный рыжій быкъ, привязанный къ колу, а тутъ же, возлѣ него, развѣвался красный значекъ. Царь стада трясся отъ ярости, копыта земля ногами, наконецъ въ бѣшенствѣ прыгнулъ и оборвалъ свою привязь. Значекъ первый палъ жертвою его ярости, потомъ кадушки, баранина и наконецъ тотъ изъ часовыхъ, который возился съ роженемъ. Быкъ устремился далѣе. Обладатель кадушекъ прицѣпился изъ винтовки—бацъ! и неприятель раненъ въ ногу. Когда почувствовалъ боль, то еще ужаснѣе сталъ метаться по табору, все опрокидывая, разбивая, бодая, — и послѣ многихъ выстрѣловъ, которые частью попали въ людей, получая еще нѣсколько ранъ,

О ПОХОДАХЪ

ШАХЪ-НАДИРЪ

въ Дагестанѣ.

(Окончаніе)

Находясь въ Эриванскомъ Эйлагѣ, т. е. въ лѣтнемъ кочевьѣ, НаDIRъ отпустилъ Русскаго посланника и отправилъ вмѣстѣ съ нимъ къ Россійскому Двору Мирзу Кюфи-Назира со слономъ и подарками. Вскрѣсь послѣ этого пріѣхалъ въ Тифлисъ, дабы устроить Грузію и получить извѣстіе о приближеніи къ Дербенту Крымскаго Хана, который, исполняя приказаніе Султана, двинулся изъ Крыма, дабы поддержать Абдула-Пашу, назначеннаго Сераскиромъ НаDIRъ, узнавъ объ этомъ, заблаговременно приказалъ Али-Кули-Хану, Ширванскому Бегляръ Беку, наблюдать за движеніями Крымскаго Хана и удерживать его по возможности, не вступая въ открытый бой. Когда Сераскиръ Абдула-Паша былъ совершенно разбитъ, то Султанъ, желая окончить войну, послалъ Али-Пашу, бывшего прежде въ Ганджѣ, для переговоровъ съ Персією, а племяннику Крымскаго Хана Исламъ Гирей Султани приказалъ послѣднѣе вѣхать къ дядѣ и остановить его движенія. Но НаDIRъ, остановивъ Исламъ Гирей Султана, отозвался что самъ одинъ, безъ посредничества Турецкаго Султана, управится съ Крымскимъ Ханомъ и приказалъ Баки Хану пріять Турецкаго уполномоченнаго Али-Пашу въ Ганджѣ. Послѣ этихъ распоряженій, двинувшись въ Дагестанъ, на берегу Алазани оставилъ главный лагерь и съ частью войска пошелъ на Джарцевъ укрѣпившихся на высокой горѣ. — Стрѣлки и Джезаиръ-чи тотчасъ ворвались въ укрѣпленіе; Лезгинны, лишившись надежды устоять, разсѣялись и, преслѣдуемые НаDIRомъ, частью погибли въ ущельяхъ, а частью ушли въ Аварію. Всѣхъ селеній были разграблены и сожжены.

Наказавъ Джарцевъ, НаDIRъ, двинувшись чрезъ Шехи и Арешъ, пріѣхалъ въ Шемаху, и тамъ узналъ, что Крымскій-Ханъ, подступивъ къ Дербенту, назначилъ Эльда, сына Мортузъ-Али, Шамхадомъ, Сурхай Хаа правителемъ Ширванскимъ, а Ахметъ Хана Уцмій-Дербентскимъ и роздалъ 2500 тумановъ въ многіе богатые подарки своимъ приверженцамъ. — Сурхай Ханъ назначилъ къ нему своего сына съ 100 Лезгинъ на службу; но когда Крымскій Ханъ получилъ извѣстіе, что

наконецъ вскочилъ въ огромный костеръ и разбросалъ голыни. Одна изъ нихъ упала да чѣ-то тряпье и то же тоже мгновенно загорѣлось. Бѣши вокругъ него, желалъ остановить распространеніе пожара, разбросалъ тряпье, но въ попыткахъ и такое, которое же тѣло, чѣмъ подожгли прочую рухлядь. Пожаръ, разраставшійся въ огромныя увеличивался все болѣе и болѣе, не успѣвъ спасти нѣсколько ящиковъ съ порохомъ; раздался страшный грохотъ взрывовъ. . .

Какъ пчелы въ ульѣ (заимство это выраженіе у Гомера), какъ пчелы въ ульѣ, когда пачникъ ихъ выкуриваетъ, такъ Карабулаки и Ингуши, очинивъ отъ оглушенія, бросились въ разныя стороны, толкясь, прыгая одинъ черезъ другаго и крича страшнымъ бразомъ. Валъ, который долженъ былъ служить имъ оааною, едва не сбѣгала причиной ихъ гибели: пока удакъ вырваться изъ ограда, истребительная стихія много обошла борозды и усовъ. Крики боли, страха и проклятій, смѣшались съ ревомъ скота, составили музыку, какой и шапаны съ вѣдьями не заводятъ въ ночь шабаша. Наконецъ преграда открыта и отлогіе бока холма покрывшись толпами бѣгущихъ. Счастливы были тотъ, кто безъ вреда спустился внизъ, потому что бѣшныя позади валили первыя, толтали ихъ въ бѣгствѣ, путались и сами падали. Однакожъ нашлись такіе смѣльчаки, которые презирая опасность, возвратились за вещами, чтобы покрайней мѣрѣ спасти что было по драгоцѣннѣе.

Добыча подверглась новому грабжу; право собственности, уже нѣсколько утвердившееся, уничтожилось. . .

Усатый Ингушъ, который недуманнымъ мщеніемъ надъ быкомъ за опрокинутыя кадушки, былъ всего зла причиною, бросился къ плѣнницамъ. Схвативъ первую, на какую попалъ, отдернулъ чадру, взглянулъ въ лицо — плюнулъ и бросилъ ее въ пропасть. Съ другою и третьею поступилъ также. Наконецъ напалъ на одну, которая ему понравилась. Сталъ проталкиваться съ своею драгоцѣнною добычею чрезъ бѣгущія толпы, а обратившись на просторѣ обождать, пока всѣ сбѣжали съ холма, и тогда присоединился къ партіи Ингушей.

— Открой ее, открой, — послѣдовалъ нѣсколько голосовъ, — по наружности кажется не она!

Обладатель плѣнницы не имѣлъ причины противиться этому желанію. Но лишь только дернулъ чадру, какъ въ толпѣ выскочили два молодыхъ человека, которые стали доказывать, ссылаясь на свидѣтелей, что плѣнница ихъ и принадлежитъ обоимъ по роковой долѣ.

— Скажите лучше, что принадлежала. Какъ же могли вы раздѣлиться: кому голова, кому ли?

— На кого изъ насъ по жребію выпала бы, тотъ другому долженъ былъ доплатить его часть.

— Дѣлились бы теперь угольями въ костеръ. Плѣнница моя, потому что я выхватилъ ее изъ лапы.

И онъ сталъ передъ ними съ видомъ показывавшимъ, что никому не намѣренъ уступить свое право. Но въ ту минуту кто-то пихнулъ его въ затылокъ, и повалилъ. Два претендателя, пользуясь этимъ, схватили плѣнницу одинъ за одну руку, другой за другую и уже рѣшились тащить ее, какъ тотъ, вскочивши съ земли, успѣлъ схватить несчастную за ноги. Всѣ трое закричали, издавая другъ другу проклятій и угрозъ, а бѣдная жертва, въ спорѣ, едва сла-

НаDIRъ идетъ противъ него, оставилъ все на произволъ судьбы и послѣднѣе возвратился назадъ. НаDIRъ, не смотря на приближающуюся зиму и затрудненія, которыя встрѣчаются въ ту пору въ горахъ, двинулся на Дагестанъ. Переправившись черезъ вершину Ахти-Аганы, пріѣхалъ въ ДЕРЕ-КЕНТЪ, и тамъ отдалъ приказъ Дагестанскому Сардару собрать провіантъ для войска въ Табаранскомъ магалѣ ДЕРЕ. Отправивъ отсюда всѣ тяжести черезъ Шабранъ въ Дербентъ, подъ присмотромъ своего сына Риза-Кули-Мирзы, раздѣлилъ все войско на три отряда. Съ первымъ, находившимся подъ его личнымъ начальствомъ двинулся на Будукъ и Хвалыкъ, другой послалъ противъ Дукусъ-Паринцевъ и Ахти-Паринцевъ (нынѣшній Самурскій округъ), а третьему приказалъ идти въ Кабиръ, Кюринскаго владѣнія, дабы пресѣчь бѣглецамъ всякую дорогу. Наказавъ такимъ образомъ непослушныхъ, всѣ отряды соединились въ деревнѣ Гильяръ. Отсюда НаDIRъ двинулся далѣе и 11-го Ноября остановился лагеремъ на сѣверной сторонѣ Дербента.

Узнавъ, что Эльдаръ-новый Шамхалъ, Ахметъ Ханъ Уцмій и Сурхай-Ханъ соединились въ деревнѣ Казаницѣ и намѣреваются напасть на Хансфулатъ-Хана Шамхала, онъ тотчасъ двинулся на Маджалисъ, гдѣ Ханъ-Могаммедъ, сынъ Уцмій, стоялъ съ отрядомъ Лезгинъ, заграждая тѣсное ущеліе. Послѣ упорной защиты, эта неприступная деревня была взята; Лезгинны обратились въ бѣгство, весь магалъ былъ разоренъ. Оттуда НаDIRъ, опустошая огнемъ и мечемъ все по дорогѣ, пріѣхалъ въ деревню Гобленъ, Шамхальскаго владѣнія. Шамхалъ со своими приверженцами явился къ нему. Сурхай, Уцмій и Эльдаръ разбѣжались. НаDIRъ, желая наказати Сурхай, отправился въ Казыкумыхъ; 20 Декабря достигъ урочища Шарратъ, въ трехъ миляхъ отъ Казыкумыха, гдѣ въ ущеліи, единственномъ проходѣ, укрѣпились Сурхай со всеми своими силами. НаDIRъ съ четырехъ сторонъ приступилъ къ дѣйствию. Афганцы первые взобрались на гору и завязали упорнѣйшую схватку. Когда вслѣдъ за ними двинулись и прочія войска, то Лезгинны, видя невозможность удержаться, отступили съ большою потерей. По причинѣ наступавшаго вечера и труднаго перехода чрезъ ущеліе, НаDIRъ остался ночевать на полѣ сраженія, занявъ прежде вершину горы частью Джезаиръ-чи. — Эльдаръ, который, не зная о разбитіи Лезгинъ, слѣдовалъ имъ на помощь, нечаянно наткнулся на Джезаиръ-чи и по-

былъ стономъ извѣдала признаки жизни, и неминуемо бы лишилась какого нибудь члена въ этомъ распинаніи, еслибъ четвертый не вмѣшался посредникомъ.

— Постояте закричалъ — я васъ помирю! поставьте ее на ноги . . . не можетъ стоять? — ну, такъ посадите ее на траву . . . вотъ такъ,

— Теперь скажите мнѣ, знаете ли кто я такой?

— Ты? Баха. Ктоже тебя не знаетъ.

— Не въ томъ дѣло. Кто вашъ предводитель?

— Ты.

— Слѣдственно имѣю право судить, рѣдить и мирить васъ въ ссорѣхъ?

— Имѣешь.

— Рѣшаю такъ. Вы оба домагаетесь на половину этой дѣвушки; слѣдственно вся она какъ есть, съ руками, головою, ногами и такъ далѣе, никому изъ васъ не принадлежитъ?

— Что вся плѣникомъ не принадлежитъ, это правда, но . . .

— Говорите, что не принадлежитъ. А ты, третій, спасъ ее изъ огня и теперь говоришь, что она твоя?

— Разумѣется, что моя.

— Почему же?

— Потому, что я спасъ ее изъ огня.

— Недостаточная причина. На примѣръ, если кто кому спасетъ жену, неужели можетъ ее себѣ присвоить? Еслибъ меня самого ты спасъ, то могъ ли бы сказать, что я твой. Нѣтъ, каждый скажетъ тебѣ, что нѣтъ. Слѣдственно, дѣвушка, и тебѣ третьему не принадлежитъ.

— Чтожъ изъ этого выходитъ?

— Изъ этого выходитъ то, что я, вашъ предводитель въ теперешнемъ набѣгѣ, беру ее себѣ.

Всобщимъ смѣхомъ отвѣчали на эту премудрую расправу.

Споръ начался съ—изнова.

— Постояте! — снова закричалъ наш Соломонъ — если вамъ это не нравится, то я разсужу иначе.

— Послушаемъ.

— Примѣтно изъ вашихъ разсерженныхъ лицъ, изъ вашихъ глазъ блестящихъ яростію, что споръ вашъ не кончится добромъ. Слѣдственно, или ты получишь пулю въ лобъ, или вы оба познакомитесь съ его кубечинскимъ княземъ — что весьма легко можетъ статься, потому что парень-то справится съ вами обоими. Но спрашиваю, что изъ этого выйдетъ? Завладѣвшій плѣнницею, куда съ нею дѣнется, гдѣ спрячется отъ родныхъ и друзей убитаго, или убитыхъ? Подумайте сами, стоитъ ли эта дѣвчонка, чтобы за нее всю жизнь проводить въ тревогѣ и неспокойствіи?

— Со всего этого, снова выходитъ то, что плѣнницу надо отдать тебѣ же?

— Я этого не говорю. Но сбѣайте такъ: станьте всѣ передъ нею, я четвертый тоже стану и пусть она сама выберетъ.

— Дѣльно говорить, дѣльно! — слышалось ото всюду — пусть она сама изберетъ!

Кружокъ любопытныхъ увеличился. Обѣ стороны не могли противиться общему мнѣнію; при томъ каждый изъ двухъ участниковъ былъ увѣренъ, что выборъ падетъ на него: одинъ полагалъ прельстить богатою своею одеждою, панцыремъ изъ тоненькой, какъ паутина, проволоки и оружіемъ, богато опременнымъ въ серебро; другой былъ

небольшой стычки, обратился въ бѣгство. На другой день прибыли къ Надиру депутаты отъ Казыкумыха съ повинною головою, извѣщая его, что Сурхай удался въ Аварію. Надиръ довольствовался этимъ, и не желалъ утомлять войско переходами по неприступнымъ мѣстамъ, пошелъ во владѣніе Уцмій.

Когда Надиръ слѣдовалъ въ Казыкумыхъ, Акушинскій Казій, съ главными жителями извѣстивъ ему покорность. Но послѣ, не смотря на это, тайно вспомоществовалъ Сурхайю. Надиръ узнавъ объ этомъ, послалъ на обратномъ пути часть войска противъ него. Акушинцы, тѣсно защищаясь, были совершенно разбиты. Надиръ опустошилъ ихъ деревни и многихъ жителей захватилъ въ плѣнъ. Послѣ такой неудачи, Акушинскій Казій явился къ нему снова съ повинною головою. Надиръ простилъ его и, возвративъ свободу всѣмъ плѣннымъ, двинулся далѣе. Въ укрѣпленіи Калей-Курейшъ, мѣстѣ пребыванія Уцмій, встрѣтили его почетныя лица и представили ему въ гаремъ дочь Уцмій, которую послалъ самъ отецъ, испрашивая пощадить и прощенія. Надиръ, принявъ въ уваженіе раскаяніе, простилъ его, а дочь выдалъ за Гусейнъ Али-Хана Кубинскаго, которая впоследствии времени, лишившись ума, была возвращена къ племяннику своему Амвр-Амза Уцмю. Въ это время Табасаранцы прислали въ Дербентъ своихъ аманатовъ и Докупаринскіе Лезгинны привели 1000 лошадей и нѣсколько заложниковъ изъ почетныхъ семействъ, обидная повиноваться во всемъ волѣ Надира.

Устроивъ такимъ образомъ дѣла Дагестана и возвращаясь назадъ, онъ пришелъ въ Кубинскую деревню Гасанъ-Гала; оставивъ тамъ войско, со своими приближенными отправился впередъ и въ одинъ сутки прибылъ въ городъ Ахсу, отстоящій на 160 верстъ отъ Гасанъ-Гала и 13 Января былъ уже въ своемъ лагерѣ, расположенномъ на Муганской степи, близъ Джеватской переправы.

Въ этомъ лагерѣ ожидали его всѣ почетныя лица Персіи, въ числѣ 100 т. человекъ, которыя собрались туда по предварительному приказанію Надира. Для нихъ приготовлено было 12 тысячъ домовъ, построенныхъ изъ дерева и камыша, со всѣми необходимыми потребностями, какъ то: мечетями, банями и караванъ-сараями, — кромѣ великолѣпнаго дворца для самаго Надира. Тамъ, послѣ сильныхъ споровъ между вельможами, продолжавшихся болѣе мѣсяца, Надиръ 26 Февраля 1148 (1736) г. вступилъ на престолъ Персіи.

Въ этомъ торжественномъ собраніи Надиръ Шахъ объявилъ свою волю всѣмъ духовнымъ,

щеголеватый паренъ съ бакенбардами подбрытыми по Чеченски, или, какъ у насъ говорятъ, а la juif, и много воображалъ о своей красотѣ. Усачъ, обладатель кадушекъ, ничѣмъ не могъ похвастать; но что же было дѣлать, почесалъ въ затылкѣ и согласился. Что же касается до Балхи, то хотя онъ не имѣлъ никакого права поступить въ число кандидатовъ, однакожъ, получилъ на то позволеніе.

Никому не приходило въ голову, чтобы эта маленькая, поуклюжая и пугалая, какъ бурдюкъ, фигура, могла удостоиться выбора красавицы.

Участники выступили впередъ, въ красивыхъ положеніяхъ, хотя, будто бы, съ безпечнымъ видомъ; усачъ, обладатель кадушекъ, съ кислой рожей отступилъ шага два назадъ и почти спрятался за ними; а Балха, ставъ противъ самой плѣнницы, такъ чтобы одинъ онъ былъ ей виднѣнъ, моргалъ глазами, улыбался и кивалъ пальцемъ. Нѣсколько разъ должно было объяснить ей рѣшеніе Балхи. Когда же она повела въ чѣмъ дѣло, то показала рукою на усача, обладателя кадушекъ.

Присутствующіе крикнули отъ удивленія. Избранный, обнавъ свою драгоцінность, разцаловалъ и въ доказательство особенной признательности, накрылъ ее снятымъ съ плеча своихъ тулопомъ.

Какъ только шумъ утихъ, Балха подошелъ къ счастливому обладателю плѣнницы.

— Любезный Бабо, — сказалъ онъ ударивъ его по плечу, — знаешь ли что милый, у тебя вѣдь нѣтъ ни дома и никакого пріюта, шавешься изъ угла въ уголъ: на что она тебѣ? Уступи мнѣ ее за двадцать барановъ!

— А ты слышалъ кто она такова? сестра, братъ, Узденей, сестра здѣшнихъ Узденей!

— Такъ чужой изъ этого — эти Узденей лежатъ дѣсь подлѣ племени своего дома; выкупа отъ нихъ не дождеши.

— Но кто же выдѣлывалъ, чтобы сестру Узденей продавать за двадцать барановъ? И притомъ, что я сдѣлаю съ твоими баранами — съѣмъ ихъ въ одинъ разъ, или загоню въ чужой хлѣвъ? Нѣтъ, братъ, я не дуракъ!

— Какъ себѣ хочешь!

Прошелся немного и снова вернулся.

— Видѣлъ ты мою Крымскую винтовку?

— Кто же ея не видѣлъ, лучше ея нигдѣ не найдешь.

— Возьми за дѣвку!

— Хмъ... славная-то вещь винтовка, но моеи дѣвушки не стоить.

— Прощай же, когда и винтовки не хочешь. Но помни, что будешь жалѣть!

Снова прошелся и снова вернулся.

— Послушай Бабо, скажу тебѣ послѣднее слово. Возьми винтовку и любого жеребца на выборъ изъ цѣлаго табуна?

— Изъ цѣлаго табуна? Ну, такъ это дѣло другого рода. Постояй же, позову свидѣтелей...

Когда огонь въ таборѣ погасъ отъ сильного дождя, то снова начали шарить и суетиться около остатковъ. Одинъ опережалъ другаго, одинъ у другаго вытаскивалъ изъ подъ вѣса. Такъ продолжалось до поздней ночи.

чтобы они согласили между собою нѣкоторые догматы, раздѣляющіе секты Ши и Суння, и этимъ водворили бы спокойствіе въ мусульманскомъ мірѣ. Персидское духовенство, рассмотрѣвъ предложеніе Шахъ-Надира извѣстивъ свое согласіе. Но Турки, съ негодованіемъ отвергли эту мысль, хотя Персіе неоднократно пытались привести ее въ исполненіе.

Такимъ образомъ Шахъ-Надиръ, заботясь объ общемъ спокойствіи, назначилъ своего брата Ибрагимъ-Хана главнымъ правителемъ провинціи отъ Кафлунка до Арпачая и дальнѣйшихъ предѣловъ Дагестана и Грузіи, подчинивъ ему всѣхъ владѣтелей и начальниковъ, находившихся въ этомъ краѣ, а Мехтеи-Бека Юзбаша, съ титуломъ Хана, правителемъ Ширвана. Въ слѣдующемъ году Мехтеи-Ханъ, по дѣламъ управленія, отправился въ Дербентъ; Мурадъ-Али Султанъ-Устаджаллу, тамошній начальникъ, имѣя давнюю вражду съ нимъ, подстрекнулъ нѣкоторыхъ жителей убить его. Одинъ изъ участвовавшихъ въ этомъ преступленіи бѣжалъ къ Ахметъ-Хану Уцмю, а другіе заперлись въ крѣпости Наринъ-Кале. Дербентцы, негодуя на убійцъ, возстали противъ нихъ, овладѣли крѣпостію и пойманнаго Мурадъ-Али-Султана представили Шахъ-Надиру, который велѣлъ казнить его смертію. Сардаръ-Бекъ-Крикау, съ титуломъ Хана, вступилъ въ управленіе Ширвана, а Неджефъ-Султанъ, съ частію Джезаиръ-чи, принялъ Дербентъ. Велѣдствіе именнаго приказанія Шаха, Ахметъ-Ханъ-Уцмій представилъ Сардаръ-Хану всѣхъ прибѣгнувшихъ къ нему убійцъ Мехтеи-Хана, которые, вмѣстѣ съ другими возмутителями, были казнены смертію. Сардаръ-Ханъ переселилъ въ городъ Ахсу нѣсколько Дербентскихъ семействъ, а вмѣсто ихъ перевелъ изъ Ширвана племя Цорцоръ.

1151 (1739) года, когда Надиръ-Шахъ находился въ Индостанѣ, возмутились Джарскіе Лезгинны. Ибрагимъ-Ханъ отправился усмирять ихъ. Сначала счастье благоприятствовало ему, но однажды Лезгинны, сдѣлавъ засаду, окружили его. Въ послѣдовавшей перестрѣлкѣ Ибрагимъ-Ханъ былъ убитъ, а Персіане отступили безъ всякаго успѣха. Надиръ-Шахъ, получивъ объ этомъ извѣстіе въ городѣ Пэ-Шаурѣ, назначилъ Эмиръ-Асламъ-Хана правителемъ Азербейджана, а Сафи-Хана Багари, Гурджистанскаго Сардара, перевелъ въ томъ же званіи въ Азербейджанъ, и приказалъ имъ по возможности защищать Ширванъ отъ набѣговъ горцевъ до его возвращенія изъ Индостана. Въ слѣдующемъ

II.

ДВА УЗДЕНЯ.

Наконецъ партія собралась въ обратный путь. Пискливыя зурны, — кто знаетъ, что не такія же, какими Тимуръ безпощадно страшилъ родъ человѣческой? открыли шествіе, напрасно предводители старались ихъ унять, убѣждая, что отступленіе требуетъ самой глубокаго тайны; но набѣгъ конченъ, и никто уже и не думалъ о предводителяхъ. За зурнами отирали нѣсколько конницы, потомъ огромный возъ, наполненный разными вещами, потомъ нѣсколько плѣнницъ, а у каждаго какая нибудь добыча — мѣшокъ, баранъ или невольница; — послѣ опять не много конницы и такъ далѣе. Съ самаго начала нужно было пройти густой дѣсь, со множествомъ овраговъ и, безъ всякаго слѣда торной дороги. Ночь была темная, земля slickая, непрерывно лило какъ изъ ведра. Коннымъ труднѣе было держаться вмѣстѣ; кто напалъ на тропинку, отправился самъ по себѣ, кто попалъ въ оврагъ или увязъ въ кустахъ, тотъ отсталъ отъ прочихъ; нѣкоторые совершенно, удалились въ сторону и заблудившись въ трущобѣ, сблизивъ съ дороги отступленія. Различные крики раздавались по дѣсу; то, слышите за мною, то, подождите меня, то, отзовитесь! — я заблудился!

Пѣхота лучше сохранила порядокъ. Собравшись въ кучку, шла тихимъ, но вѣрнымъ шагомъ. Въ это время, кто-то выстрѣлилъ изъ ружья, — вслѣдъ за нимъ и другой. Двое раненыхъ присѣло, схватившись одинъ за голову, другой за ногу. И тутъ-то пошла суматоха. Нѣсколько десятковъ пулъ полетѣло въ отвѣтъ.

— Проклятіе вамъ и проклятіе предковъ вашихъ! гремѣлъ голосъ съ той же стороны, — бейте!

— А, тамъ наша конница. Да кто же по насъ стрѣлялъ?

Снова грянули два выстрѣла.

— Въ шапки, въ шапки! толпой на нихъ, живьемъ хватайте! гииіі...

Таковъ военный крикъ, Кавказскихъ горцевъ. Но, хотя всѣ гикали во всю мочь, однакожъ нѣкоторые лишь сунулись впередъ, и тѣ воротились, потерявши одного убитымъ. Послѣ этого никто уже не отваживался пробовать счастье, и шайка отъезжала на выстрѣлы только хвастливыми угрозами и крикомъ; а тѣмъ временемъ два невидимые стрѣлка напали себѣ, а тѣмъ какъ нельзя лучше, и рѣдкіи ихъ выстрѣлы давали промахъ.

Дѣсь кончили, осталась рѣка для переправы, но отъ сильныхъ дождей такъ поднялась, что нельзя было надѣяться отыскать бродъ. Одна козница съ трудомъ переправилась и то нѣсколькихъ теченіемъ воды унесло и потонуло. Что же оставалось предпринять? Расположиться на берегу и дожидаться разсвѣта. Но эти два проклятые комара... стрѣлять по нимъ!...

Комары, не ожидая этого, выскочили изъ кустовъ. Удари шашекъ какъ градъ посыпались на всѣ стороны и пока, испуганная печальнымъ нападеніемъ шайка опомнилась, нѣсколько головъ уже катилось по песчанному берегу.

Утро было пасмурно, но не дождливо; между развалинами сожженнаго аула, кое гдѣ пробивался дымъ, въ бойницахъ башенки мерцалъ огонекъ.

Тамъ были два человѣка. Одинъ, сидя на недогорѣлой,

году Шахъ-Надиръ прибылъ въ Надиръ-Абалъ, что въ Афганистанѣ. Предпринимая походъ въ Туркистанъ, послалъ Гани-Хана съ Абдамнскою конницею въ Ширванъ, приказавъ выступить на Джарцевъ зимою, когда горныя дороги дѣлаются непроходимы. Фетъ-Али-Ханъ, Коса-Ахмедъ-Лу и Мамедъ-Али-Ханъ, Сардаръ Азербейджанскій, съ 15 тыс., и всѣ Начальники Грузіи, получили приказаніе участвовать въ походѣ Гани-Хана. 23 Февраля 1153 (1741) года соединенныя войска прибыли на берега Алазани. Лезгинны укрѣпились въ трехъ пунктахъ: въ Джарѣ, Кадыхъ и Агзыбирѣ. Военныя дѣйствія начались осадой Джара. Неприятель, послѣ нѣкотораго сопротивленія отступилъ къ Кадыху, гдѣ нѣсколько дней продолжались кровопролитныя стычки. Лезгинны перешли въ Агзыбиръ, укрѣпленіе, построенное на вершинѣ горы, среди густаго лѣса, черезъ который пролегалъ только одна тропинка. Абдалиныцы пошли охотниками впередъ. Отъ самаго утра до поздняго вечера продолжалась упорнѣйшая битва. Обѣ стороны потеряли одинаковую потерю. Наконецъ, въ самую полночь, Абдалиныцы, не смотря на градъ пуль и камней, сыпавшейся на нихъ, потерявъ только 100 человекъ, взшли на вершину и овладѣли укрѣпленіемъ. Лезгинны, отрѣзанные съ сѣверной стороны и не видя возможности спастись, бросались со скалъ въ пропасть; тѣ же, которые не имѣли такой рѣшимости, погибли подъ кинжалами побѣдителей. Остальные жители и семейства скрывались въ горахъ; но Персіане преслѣдовали ихъ до самаго Кесруха на Самурѣ и частію вырѣзали, а частію захватили въ плѣнъ. Вся провинція была опустошена до такой степени, что не осталось почти никакихъ признаковъ бывшаго народонаселенія. Сами Персіане, возвращаясь изъ горъ, потеряли отъ сильной зимней бури 200 человекъ.

Шахъ-Надиръ, послѣ завоеванія Бухаріи и Хоразма, весною 1154 (1742) года, когда шелъ въ Дагестанъ, въ Саватъ-Кугъ (Мазандаранской провинціи) близъ крѣпости Эуляръ, былъ раненъ въ палецъ лѣвой руки выстрѣломъ изъ — за дерева. По словамъ Мирзы-Абдулъ-Керима, въ Зюблетъ-Уль-Таварихъ, старшій сынъ Шахъ-Надира, Риза-Кули-Мирза былъ виновникомъ этаго преступленія. Когда Шахъ-Надиръ находился въ Индостанѣ, Риза-Кули-Мирза, управлявшій въ отсутствіе отца всею Персіею, по нѣкоторымъ неосновательнымъ причинамъ, приказалъ Мирзѣ Магоммедъ Гусейну Каджаръ, умертвить Шахъ-Тахмаса, находившагося въ городѣ Сабзеварѣ. Надиръ, сильно негодуя

дождемъ залитой колодѣ, подперши рукою голову, казался дремлющимъ; — другой, въ полусекачемъ положеніи, очами полными ярости, блуждалъ по законѣнымъ стѣнамъ. Первый прервалъ молчаніе.

— О Джафаръ, Джафаръ! завопилъ онъ, ударяя себя кулакомъ по лбу, — что ты значишь теперь! Бабы Карабулакскія погонять коровъ на твои пасбища, дѣти со смѣхомъ станутъ ругаться твоимъ именемъ, которое еще вчера страхомъ прерывало ихъ сонъ. Нищій не протянетъ къ тебѣ руки, путникъ не попроситъ гостеприимства. О комъ теперь станутъ рассказывать, что заходилъ туда, куда лишь птицы долетаютъ и куда очень не забѣжить? Гдѣ сто твоихъ джегитовъ, сто волковъ острозубыхъ, что утверждали магіейшее твоё мановеніе, въ глазахъ читали магіейшее желаніе? гдѣ твои стада, поля и сады? А Лейли, Лейли! слышать ея воли и не помочь ей!.. Что же мы теперь съ тобой Мако! — подлые голуби, перелеты, которые не устроятъ даже летающей мушки? Сестра!... Мако, ты ничего не говоришь?

Мако заскрежеталъ зубами, сжавши кулаки, однакожъ старался казаться хладнокровнымъ.

Что же мнѣ говорить-отвѣчалъ онъ тихимъ, но дрожащимъ голосомъ, — пусть старшій братъ говоритъ. Когда старшій братъ распыляетъ жалобы какъ насмѣянная плакса, то младшій можетъ ли что сказать? Моя рѣчь — вотъ въ этихъ ножнахъ?

— Въ этихъ ножнахъ? что же одинъ эти ножны помогутъ противъ тысячи? А помощь откуда добудемъ, не отъ сестры ли? Не бойсь, хорошо мы имъ прислуживались, чтобы теперь просить о помощи! Въ этихъ ножнахъ! А много ли ты помогъ ей этими ножнами, когда издали протягивала къ тебѣ руки и молила о спасеніи? гдѣ теперь наша Лейли? быть можетъ стелетъ постель какому нибудь Карабулакскому мужику!... О Мако, ты виною, ты уговорилъ меня на этотъ проклятый набѣгъ. Пусть дорога, по которой мы ѣхали, заростетъ ядовитымъ зельемъ! пусть провалится то мѣсто, на которомъ мы проточили эту ночь!...

— Дорога ничѣмъ не виновна и ни мѣсто. И я также не виноватъ. Вспомни, что это предпріятіе было для нея же. Ты самъ сообщилъ мнѣ вѣсть о тѣхъ Армянскихъ купцахъ, которые должны были почевать надъ рѣкою, — а мнѣ пришлось въ голову достать отъ нихъ для Лейли какихъ нибудь драгоцінныхъ вещей.

— Достали же мы драгоцінностей, нечего сказать!

Джафаръ всталъ и пошелъ осмотрѣть комнату сестры. Но съ трудомъ могъ пролезть въ двери, заваленныя мусоромъ обвалившейся стѣны. Видъ этой развалины расстрогалъ его еще болѣе, новѣтѣ съ тѣмъ вдохнулъ и покорность судьбѣ. Возвратившись, онъ сказалъ спокойно.

— Не станемъ терять времени. О мнѣнй нечего и думать, — развѣ послѣ, когда нибудь. Теперь, надо выкупить сестру, нашу бѣдную Лейли; но и мы тоже бѣдны... пойдемъ, проберемся черезъ Гойтенскіе лѣса — до Герменчука и далѣе, до Аваріи, до самаго моря!...

— Пусть одинъ изъ насъ идетъ, другой долженъ оставаться и неуспѣшно бѣгать надъ нею, можетъ быть удасться выкрасть.

— Я пойду.

— Пожалуй, ты старшій братъ, и за тобою право выбора.

(Продолженіе будетъ).

за это на сына, удалив его отъ государственныхъ дѣлъ. Риза-Кули-Мирза, по молодости лѣтъ и по свойственной ему злобѣ, питая въ душѣ своей мечь противъ отца, подстрекнувъ Никкедема, невольника, тайно убить его. Шахъ-Надиръ, подавивъ въ душѣ родительское чувство, ослѣпилъ своего сына. Послѣ этого происшествія Шахъ-Надиръ сдѣлался цѣловѣрчивымъ и жестокимъ, перемѣнилъ свое обхожденіе, а вмѣстѣ съ тѣмъ и образъ управленія.

2-го Іюля того же года, черезъ Барду, Кабазу и Шахъ-Дахъ, Шахъ-Надиръ прибылъ въ Казыкумьхъ. Лезгинскія племена, живущія на пути его, доставляли продовольствіе войску. Въ Казыкумьхъ явились къ нему Шамхаль, Уцмій и Сурхай-Ханъ, со многими почетными лицами Дагестана. Одаривъ ихъ богатыми халатами и лошадыми съ золотыми уборами, въ началѣ Августа предпринялъ походъ въ Аварію; но послѣ сильныхъ военныхъ дѣйствій въ Андалалскомъ округѣ, близъ деревни Чохъ, потерявъ уроны и принужденъ былъ отступить безъ всякаго успѣха. По причинѣ наступавшей осени, взявъ съ собою Сурхай-Хана съ семействомъ, направилъ путь въ Дербентъ и поручилъ Уцмію отправиться съ частію войска изъ Казыкумьхъ въ Каракайтагъ для взятія отсюда семействъ, назначенныхъ въ аманаты и доставленія ихъ въ Дербентъ. Близъ Чирага Шахъ-Надиръ получилъ извѣстіе, что Кара-Кайтагцы, по наущенію самаго Уцмія, въ ущелии Гаикай, въ двухъ миляхъ выше Бышлы нанесли на отрядъ Персіянъ, слѣдовавшій въ Кара-Кайтагъ, разбили его и ограбили. Вслѣдствіе этого, Надиръ, готовясь въ долговременный походъ противъ горцевъ, приказалъ собирать провіантъ изъ всѣхъ провинцій между Тифлисомъ, Тавризомъ и Ардебилемъ. На девятый день послѣ прибытія своего (1-го Октября) въ Дербентъ, Шахъ-Надиръ двинулся противъ Кара-Кайтагцевъ. Начиная отъ Дербента до Шамхальскаго владѣнія, въ разстояніи двухъ или трехъ фарсаховъ, построилъ укрѣпленія, дабы этимъ удержать Кайтагскихъ Лезгинъ отъ набѣговъ на равнины. 4-го Ноября, въ трехъ фарсахахъ на сѣверъ отъ Дербента, осталась зимовать и, устроивъ балаганы для своего войска, перевелъ туда и свой гаремъ. Это урочище называется и по нынѣ Иранъ Харабъ, т. е. разореніе Персіи, потому, что Персіане претерпѣли здѣсь много недостатковъ; Лезгины, особенно Каракайтагцы, тревожили безпрестанно лагерь, пресѣкали сообщеніе, затрудняли фуражировку, а иногда воровали и въ самомъ лагерѣ. На слѣдующій годъ, 17 Мая, Шахъ-Надиръ выступилъ изъ лагеря и двинулся сперва противъ Табасаранцевъ, а потомъ противъ Кайтагскихъ и Дагестанскихъ магаловъ, и все разграбилъ и опустошилъ огнемъ и мечемъ. Во время этого похода Шамхаль и Сурхай-Ханъ находились при немъ, Уцмій же заперся въ Калей-Курейшѣ, построенномъ на вершинѣ горы, покрытой лѣсомъ, куда вела одна только тропинка. Надиръ пошелъ противъ него. Уцмій три дня упорно защищался, наконецъ принужденъ былъ бѣжать въ Аварію. Послѣ его бѣгства жители явились съ покорностію. Тогда Надиръ, приказавъ срыть до основанія Калей-Курейшъ, столь сильную и неприступную крѣпость, назначилъ Мегмедъ Али-Хана Крику начальникомъ Дербента и 28 Января 1155 (1743) года отправился въ Муганъ, куда прибылъ въ сорокъ переходовъ, затрудняемый ненастной погодой и недостаткомъ подводъ. Назначивъ Гайдаръ-Бека Авшарскаго,

Правителемъ Ширвана съ титуломъ-Хана, отправился отсюда на границу Турціи.

Когда братъ Шахъ-Надира Ибрагимъ-Ханъ управлялъ Азербеджаномъ, явился къ нему Самъ-Мирза и сталъ выдавать себя за сына Шахъ-Гусейна, производя такимъ образомъ волненіе въ народѣ. Ибрагимъ-Ханъ поймалъ его и, отрѣзавъ ему носъ, отпустилъ на волю. Самъ-Мирза бѣжалъ въ Дагестанъ, гдѣ и скитался долгое время. Могаммедъ, сынъ Сурхай-Хана, пользуясь отсутствіемъ Шахъ-Надира, какъ будто бы защищая мнимыя права Самъ-Мирзы, собралъ ополченіе и, соединившись съ Дербентцами и Табасаранцами, возмущилъ Ширванъ. Получивъ отъ Могаммеда Али-Хана доносеніе объ этомъ происшествіи, Шахъ-Надиръ поручилъ Гайдаръ-Хану Ширванскому Бекларъ-Беку угнать мятежъ; вслѣдствіе сего тотъ выступилъ въ походъ, по между Шемахою и Шабраномъ былъ захваченъ жителями и черезъ нѣсколько дней умерщвленъ; пользовясь этимъ Могаммедъ, сынъ Сурхай, вмѣстѣ съ Самъ-Мирзою осадилъ Шабранъ, на лѣвомъ берегу рѣки этого имени и, посредствомъ мины, взорвалъ стѣну. Овладевъ такимъ образомъ крѣпостію и захвативъ въ плѣнъ семейства, перерѣзалъ весь гарнизонъ, умертвилъ начальника онаго Абдуль-Хана-Истаджалу и женился на его дочери, отъ которой родился сынъ Сурхай-Ханъ II-й.

Разоривъ такимъ образомъ Шабранъ, Могаммедъ двинулся далѣе и овладѣлъ городомъ Ахсу, столицею Ширвана. Въ это время племя Муганли, составлявшее часть гарнизона въ укрѣпленіи Кабиръ, принадлежавшемъ тогда Дербенту, возмутилось и вырѣзавъ своихъ товарищей Авшарцевъ, отдало крѣпость Могаммеду. Тогда Могаммедъ Али-Ханъ, опасаясь подобнаго случая, всѣхъ Муганлинцевъ, находившихся въ Дербентѣ и подорѣваемыхъ въ измѣнѣ, ослѣпилъ и выгналъ изъ города. Ашуръ-Ханъ, Сардаръ Азербеджанскій, получивъ отъ него извѣстіе въ Эривани, не ожидая приказанія двинулся со своимъ войскомъ въ Ширванъ. Соединившись на берегу Кура съ Гаджи-Ханомъ, Ганджинскимъ Бекларъ-Беккомъ, устроивъ понтонный мостъ. Между тѣмъ Керимъ-Ханъ Авшаръ, шедшій по приказанію Надира въ Муганъ и вскорѣ послѣ него Фетъ-Али-Ханъ, Авшаръ и Насрулла Мирза, второй сынъ Надиръ-Шаха, съ 15-ю тысячнымъ войскомъ, назначеннымъ дѣйствовать за одно съ Ашуръ-Ханомъ, присоединились къ нему у этой переправы. Насрулла Мирза оставилъ здѣсь лагерь, а Фетъ-Али-Ханъ и Ашуръ-Ханъ пошли далѣе. 24 Декабря 1155 (1743) г. Могаммедъ и Самъ-Мирза съ Лезгинскимъ и Ширванскимъ ополченіемъ встрѣтили ихъ близъ шахскаго сада, подлѣ города Ахсу. Тамъ завязался дѣло; Могаммедъ, потерявъ около 1000 человекъ убитыми и плѣнными, былъ раненъ и бѣжалъ въ Дагестанъ, а Самъ-Мирза удалился въ Грузію. Послѣ этой побѣды, Персіане осадилъ городъ, гдѣ заперлось малое число Лезгинъ и черезъ нѣсколько дней взяли его и разграбили до чиста.— Народъ еще и по-сю пору называетъ этотъ день Аллахъ даятъ, т. е. Боже упаси.

Вскорѣ послѣ этого Надиръ возвратился съ Турецкой границы въ Барду, столь удобную по мѣстоположенію своему для зимняго лагеря, гдѣ заблаговременно было приготовлено нѣсколько тысячъ балагановъ, и, несмотря на сильную зиму, 11 Января отправился въ Дагестанъ на легкѣ. Пройдя Дербентъ, 24 числа того же мѣсяца, раздѣлилъ войско на четыре части и направилъ его въ разныя

стороны, разграбилъ и разорилъ всѣхъ жителей, не ожидавшихъ его нападенія; нѣкоторые владѣльцы Дагестана явились къ нему съ изъявленіемъ покорности и получили подарки. Возвратившись въ Дербентъ, черезъ Табасаранъ, 5 Февраля прибылъ въ Барду, и въ концѣ того мѣсяца, по недостатку фуража, перешелъ съ лагеремъ на лѣвый берегъ Кура, близъ Ареша. Съ наступленіемъ весны, 1157 (1744) г. Шахъ-Надиръ отправился въ Шекинскія горы и долгое время осаждалъ укрѣпленіе Гелаясень-Гюрасень, куда заперлись нѣкоторые Шекинцы подъ начальствомъ Гаджи Челеби, сына Курбана, убишаго не задолго предъ тѣмъ Шекинскаго Мелика. Надиръ, осаждая его безуспѣшно въ началѣ Іюня, отправился черезъ Карабагъ въ горы Годже Эйляхъ, а оттуда пошелъ опять противъ Турціи и, послѣ нѣкоторыхъ дѣйствій, заключилъ съ нею миръ.

Въ этомъ году произошелъ въ Ширванѣ Тулидаты, т. е. упаси отъ разбоя. Подъ этимъ именемъ народъ разумѣетъ величайшій безпорядокъ. Въ самомъ дѣлѣ, шайки бѣглецовъ и разбойниковъ, скитавсь по всему краю, грабили и убивали прѣбывающихъ, нападали даже на деревни и начальники ни какимъ образомъ не могли усмирить ихъ. Турецкій Султанъ еще болѣе поддерживалъ эти безпорядки. Придерживаясь одной секты съ Дагестаномъ и частію Ширвана, безпрестанно подстрекалъ ихъ противъ Персидскаго правительства. Данными въ это время грамотами онъ пожаловалъ Ахметъ-Хану Уцмію титулъ трехъ-бунчужнаго Паши, сына его Ханъ Могаммеду двухъ-бунчужнаго, а Ахметъ-Ханъ Беку Дженгутайскому чинъ Салахпура, званіе Шамхала и 20 мѣшковъ денегъ. Кромѣ этого, каждому изъ Табасаранскихъ владѣльцовъ: Майсуму и Кадію титулъ двухъ-бунчужныхъ Пашей и по 200 тумановъ, Могаммедъ-Беку Захурскому титулъ Султана Захурскаго и двухъ-бунчужнаго Паши и нѣкоторую сумму денегъ.

Сочинители книгъ: Надиръ Нмаа, Зюблятъ-Ультаварихъ и другіе историки, единогласно говорятъ, подтверждая фактами, что перемѣна характера Шахъ-Надира начинается со времени возвращенія его изъ Хоразма. Непомѣрное честолюбіе, или другія скрытныя причины разстроили его чувства и разумъ. Онъ преслѣдовалъ и умерщвлялъ самыхъ вѣрнѣйшихъ приверженцевъ своихъ, налагалъ большіе штрафы, и въ случаѣ несостоятельности, обвиненный умиралъ подъ пыткою. Такое положеніе дѣлъ открыло поле интригамъ и проекамъ безпокойныхъ людей, которые, пользуясь всеобщимъ негодованіемъ, возмущали народъ и были причиною кровопролитій и опустошеній. Можно сказать безъ преувеличенія, что государство, созданное Шахъ-Надиромъ, имъ же самимъ было ослаблено и разрушено.

Ночью 9-го Мая 1160 (1747) года, нѣкоторые вельможи изъ приближенныхъ къ Шахъ-Надиру, по наущенію изгнаннаго племянника его Ати-Кули-Хана, сына Ибрагимъ-Хана, убили его въ Фетъ-Абадѣ, что въ Хорасанѣ, въ двухъ миляхъ отъ города Хабушана. Вскорѣ послѣ смерти Шахъ-Надира началось общее смятеніе и безначаліе, вслѣдствіе коихъ Ширванъ навсегда отошелъ отъ Персіи. Тогда образовались въ немъ отдѣльныя Ханства и владѣтели ихъ, управляя наслѣдственно и независимо, сдѣлались самостоятельными государями.

(Изъ Исторіи восточной части Кавказа, сочиненія Кудси.—Аббасъ-Кули Бакинскій).

РАЗЪЯСНЕНІЯ

Въ С. Петербургѣ, въ Конторѣ Типографіи Второго Отдѣленія Собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи (на Екатерининскомъ кауалѣ, возлѣ Михайловскаго дворца) и у Коммисіонера ея въ сей столицѣ Андрея Ивановича Иванова, въ книжномъ магазинѣ его (на Невскомъ проспектѣ, въ домѣ Петропавловской церкви) поступили въ продажу:

I.

ТОМЪ XX ВТОРАГО СОБРАНІЯ ЗАКОНОВЪ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРІИ, содержащій въ себѣ Законы 1845 года, въ двухъ отдѣленіяхъ, (въ бумажной оберткѣ). Цѣна семь рублей серебромъ.

II.

Въ маломъ форматѣ:

ЗАКОНЫ О СОСТОЯНІИХЪ (9 Томъ Свода Законовъ Россійской Имперіи 1842 года) съ приложеннымъ въ концѣ Алфавитнымъ къ нему Указателемъ. Цѣна семидесять пять копѣекъ серебромъ.

Слѣдующія къ нимъ Закономъ о Состояніяхъ доселѣ изданныя пять Продолженій, продаются отдѣльно. Цѣна симъ Продолженіямъ, въ бумажной оберткѣ, двадцать пять копѣекъ серебромъ.

Иногородные, желающіе получить оныя книги чрезъ почту, прилагаютъ сверхъ того, особо, на платежъ Почтамту въсвоихъ: а) на XX Томъ Собранія Законовъ за двадцать два фунта, б) на 9 Томъ за два фунта и в) на пять къ нему Тому Продолженій за одинъ фунтъ, укупочныхъ: въ

Подписка на газету Кавказъ принимается въ Типографіи Канцеляріи Намѣстника Кавказскаго.

ящикъ XX Тома тридцать копѣекъ и за обшивку (въ холстѣ) 9 Тома съ Продолженіями десять копѣекъ серебромъ.

Примѣчаніе 1. Жители Замосковныхъ губерній благоволятъ съ требованіями своими адресоваться въ Москву къ Коммисіонеру Типографіи Второго Отдѣленія Собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи Николаю Семеновичу Селивановскому, съ приложеніемъ денегъ по цѣнамъ вышеопредѣленнымъ.

Примѣчаніе 2. Казенныя мѣста всегда обращаются съ требованіями своими прямо въ Контору сей Типографіи, безъ приложенія денегъ на платежъ Почтамту въсвоихъ.

Метръ-дотель Тифлисскаго Благороднаго Собранія Карлъ Морици имѣетъ честь извѣстить, что онъ нанялъ на лѣто садъ Гражданина Бабанасова, рядомъ съ садомъ Его Сіятельства Князя Намѣстника, и предлагаетъ его для пикниковъ, обѣдовъ и ужиновъ; здѣсь у него можно найти всякаго рода прохладительныя напитки и хорошія вина. Онъ же отпускаетъ изъ Собранія обѣды, по подпискѣ или по порціямъ; обѣдъ состоящій изъ 3-хъ блюдъ — 9 р., изъ 5-ти блюдъ — 12 р. сер. въ мѣсяцъ; особо каждая порція — 15 к. сер.

Артистъ Ф. Баронъ имѣетъ честь извѣстить Тифлисскую публику, что въ Пятницу, 10-го Мая, для его бенефиса дано будетъ въ циркѣ, на Эриванской площади, большое блистательное представленіе Египетской маіи, соединенное съ представленіями вольтижера Жанъ-Поля. Представленіе

это будетъ превосходить въ искусствѣ всѣ до сихъ поръ данныя имъ и артистъ Баронъ употребитъ для него все свое стараніе и не пожалѣетъ издержекъ и потому надѣется, что Тифлисская публика не оставитъ его своимъ посѣщеніемъ. Между прочимъ, въ этомъ представленіи будетъ происходить борьба четырехъ охотниковъ, по вызову, изъ которыхъ побѣдитель получитъ въ премію часы. Условія борьбы будутъ подробно изъяснены въ особыхъ аффишахъ.

ПРИБЪХАВШЕ и ВЫЪХАВШЕ.

Прибѣхавшіе въ Тифлисъ.

30 Апрѣля: изъ г. Шемахи, Генераль-Лейтенантъ Ладискій, Маіоры Демонкаль и Кузьминъ. Изъ г. Ставрополя, Инж. Поруч. Арсеневскій. Изъ г. Кутаиса, Дон. Казач. № 22 полка, Хорунжій Васильевъ. Изъ г. Гори, Поруч. Пестельцевъ. Изъ г. Ставрополя, сот. по Кавалеріи, Штабсъ-Кап. Векиловъ и Губ. Сек. Тирановъ. Изъ кр. Новогорьевской Царства Польскаго Пол. Инж. Пер. Гершельманъ. Изъ Царскихъ—Колодець Тифл. Егер. п. Подпор. Риза-Гейль. 3 Мая: Изъ уроч. Кара-Агачъ, Генераль-Маіоръ Хрещатикій. Изъ уроч. Бѣлаго-Ключа, Полковникъ Козачковскій.

Выѣхавшіе изъ Тифлиса.

30 Апрѣля: Въ г. Варшаву, Генераль-Маіоръ Герасимовъ. Въ Тифл. уездъ, Штабсъ-Кап. Астафьевъ. Въ Карабахъ, Дон. Казач. № 21 полка, Сотникъ Рудичкинъ. Въ г. Александрополь, Стат. Сов. Галейстеръ. Въ кр. Владикавказъ, Генераль-Маіоръ Бѣльскій, сот. по Кавал. Полков. Миккоинъ, Ген. Штаба Поруч. Исаковъ и Влад. Казач. полка, Корнетъ Шотъ. Въ С.-Петербургѣ, Флигель-Адъют. Полков. Графъ Бенкендорфъ. Въ уроч. Питиоркъ, Драгун. Его Королевскаго, Высочества Наслѣднаго Принца Виртембергскаго полка, Поруч. Гараскичъ. 3 Мая: Въ г. Одессу, Генераль-Маіоръ Денко и Подпоручикъ Лоренцо.